

Ф О Л Ь К Л О Р И С Т И К А

Ю.И. Смирнов

Шелк шиликинов

Аннотация. Статья посвящена исследованию распространения и локальных особенностей сюжета былички о шиликинах – персонажах демонологии, бытовавшей у русского старожильского населения Восточной Сибири, а также в фольклоре якутов. Путем сопоставления сибирского материала с образцами быличек, записанных в Онежье и Карелии, автор доказывает, что основной мотив рассказов о шелке шиликинов – превращение сена или трухи в шелк – уходит своими корнями в фольклорную традицию Русского Севера.

The paper concentrates on the research of expansion and local peculiarities of the motif of legendary stories about Shilikins – demonological characters known among the Russian old-timers in Eastern Siberia and in the Yakut folklore. Comparing the Siberian materials with the legendary stories collected in the Lake Onega region and in Karelia, the author proves that the main motif of stories about the silk of Shilikins – the change of hay or rot into silk – is rooted in the folklore tradition of the Russian Nord.

Ключевые слова: фольклор русских старожилов Сибири, быличка, шиликины.

Folklore of the Russian old-timers of Siberia, the legendary story, the Shilikins.

УДК: 398.

Контактная информация: 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а. Институт мировой литературы. E-mail: yvonrims@mail.ru.

Многим людям, интересующимся фольклором и изучающим его, наверное, доводилось наталкиваться на какой-то факт (текст, эпизод повествования, деталь описания и пр.), обнаруженный, как обычно, по случаю и лишь в одном месте. Такие факты, очень редкие или, хуже того, единичные, не поддаются трезвому толкованию. Их приходится откладывать, надеясь на то, что со временем все же откроются еще подобные факты, позволяющие хотя бы чуточку прояснить их природу. И действительно, порой что-то находится, но уж слишком долгими оказываются ожидания. Здесь я расскажу об одном случае переключки редких фольклорных представлений.

Летом 1982 г. благодаря приглашению якутских фольклористов мне удалось познакомиться с фольклорными традициями русских старожилов средней Лены, нижней Индигирки и нижней Колымы. Я выезжал на места со множеством выписок из книг и из архивных документов, что сильно облегчало проведение опросов по сюжетам и персонажам. Я знал, в частности, по выпискам, что русские старожилы Якутии верят в существование шиликинов (шеликинов, селикинов)². На Индигирке и на Колыме их представляют человечками величиной «с кулачок», которые невесть отчего на Рождество выходят из прорубей, куда-то движутся и на Крещение возвращаются обратно. Судя по очень скудным фиксациям первой половины XX в., связанных рассказов о шиликинах вроде бы не слышали, а мне хотелось это выяснить.

Одной из ниточек, ведущих к связным рассказам, сиречь к быличкам, виделась запись этнографа Н.М. Алексеева, участника экспедиции 1946 г. на нижнюю Индигирку: «...Шиликины ходят, волоча сено. Если кто-нибудь найдет это сено, то он, не давая знать никому, должен спрятать. Через три года [!] сено превратится в шелк» [Алексеев]. Вполне возможно, что этнограф воспроизвел на бумаге только то, что услышал, но ясно, что такому скупому сообщению предшествовал внятный рассказ о том, как кто-то из индигирцев сумел завладеть сеном шиликинов втайне от других людей, выдержал назначенный срок и заполучил шелк, между прочим, высоко ценимый на Индигирке. Рассказ этого рода мне и хотелось извлечь из памяти русских старожилов. Меня заинтересовал именно мотив превращения сена в шелк. О нем я пытался расспрашивать. Ему и посвящена эта статья.

В ходе опросов легко выяснилось, что жители посещенных мест Лены, Индигирки и Колымы часто не слишком убежденно, но еще верили в существование шиликинов. Они живо рассказывали о том, как на святки очерчивали по снегу деревянной кочергой («ожигом») вокруг жилища и ставили крестики по краям дверей и окон. Некоторые из них продолжали прибегать к этим оберегам и в последние годы. Вместе с тем о самих шиликинах они почти ничего не могли рассказать. Моих рассказчиков в детстве обычно запугивали шиликинами, как в наше время страшат расшалившихся детей чужим дядей или милиционером, который придет и заберет шалуна. Они только слышали от старших

² Далее используются разные местные вариации произношения этого именования.

о шиликинах и не старались знать о них что-нибудь, кроме факта существования на святки. Лишь однажды довелось услышать очень скупое упоминание о шелке шиликинов. О нем рассказал Егор Семенович Киселев, самый значительный из найденных мною фольклорных носителей на нижней Индигирке (см. список опубликованных произведений, записанных от него, по Указателю певцов и рассказчиков в: [Русская эпическая поэзия... 1991]). Он подробно рассказал о том, как сам на святки старательно зачерчивал «ожигом» постройки и «закрещивал» двери и окна. Согласно его знаниям, вреда от шиликинов не было. Он решительно отверг сообщение В.М. Зензинова о том, что «...в амбарах благодаря им незаметно кончаются припасы» [Зензинов 1913: 199; 2001: 104]: «Нет, ничего не было, не таскали они!» После чего вдруг, без моей подсказки Киселев добавил: «Но где-то, говорят, находили там шелк, не знаю. Ну, будто они на шебе волочат шелк, говорили. Не знаю» [ЛА Смирнова]. На вопросы, для кого и зачем шиликины носят шелк, Киселев откликнулся однообразным ответом: «Не знаю». В искренности такого ответа я не сомневался – Е.С. Киселев просто не умел скрывать что-либо из своих фольклорных знаний.

Упоминания о шелке индигирских шиликинов, отмеченные Н.М. Алексеевым в 1946 г. и мною в 1982 г., несомненно и взаимно подтверждают друг друга. Они свидетельствуют о том, что о шелке шиликинов среди индигирцев бытовал, по меньшей мере, один рассказ, каким-то образом раскрывающий подоплеку утверждения о шелке. Эти упоминания позволяют строить разные догадки. Если же отказываться от подмены фактов собственными измышлениями, то нужно искать и искать схожие факты.

Спустя несколько лет сходный текст открылся в почти недоступном сборнике статей. Его услышал и записал Г.С. Виноградов, фольклорист, работавший в Восточной Сибири: «Неонилла Гавриловна Высоцкая (Гадалей) со слов своей прабабушки, девяностошестилетней старушки, рассказала мне про одну святочную вечерку.

Вечорка была веселая. Девки, парни играли в разные игры, пели, плясали. Вдруг в избу входит парень и говорит: “Откудова-то идет большой-большой обоз с товаром, а людей с ним никого нету”. Все – парни, девки – выбежали обоз посмотреть. И верно: большой обоз, а из людей с им никого нету. Один парень подошел к возу, взял с иво что-то, глядит – кусок шелку! “Ну, значит, клад идет”, – подумали все, и давай каждой набирать с саней себе шелку. Набрали – кто сколь мог унести. Кто дак уж домой побежал с кладом. Вдруг петух запел. Первы петухи, значит. И никого не стало – ни обоза, ни шелку, который они набрали. Тут только молодежь сдогадалась, что это шуликаны надсмеялись. Пришли домой, рассказывают старикам, а те: «Шуликаны над вам надсмеялись», – говорят» [Виноградов 1927: 22].

Г.С. Виноградов наверняка знал какие-то источники, где упоминалось о якутских сюллюканах, которых он и посчитал предшественниками обнаруженных им шуликанов. Это его мнение со временем вызвало возражение со стороны М.К. Азадовского, собиравшего сказки в 20-х гг. XX в. именно на верхней Лене, неподалеку от тех мест, где Виноградов услышал рассказ о шуликанах. Азадовский твердо разъяснял: «Заметка Г.С. Виноградова установила бытование представлений о “шуликане” в районах, не находящихся ни в каком соприкосновении с якутским населением». Для него был очень важным тот факт, что еще М.В. Ломоносов включал шуликана в число русских мифических существ: «Упоминание Ломоносовым, оставшееся не учтенным автором, свидетельствует, несомненно, о давнем бытовании этих представлений на Русском Севере и таким образом подтверждает древний характер образа шуликана» [Азадовский 1958: 89, прим. 1].

Представления о шуликанах, пусть смутные и расплывчатые, обнаруживались также у русских, проживающих в Восточном Забайкалье, в бассейне Ангары, в Прииртышье, на Тоболе. Уже этих сведений достаточно для того, чтобы отвести уверения в заимствовании русскими указанных представлений от якутов. Заимствование шло, напротив, от русских к якутам, причем, скорее всего, за счет ассимиляции мелких групп русских на той же Лене в ее среднем течении и в других местах Якутии. Усваивая представления о шуликанах, якуты, естественно, не преминули превратить их в своих сюллюканов и украсить их своими домыслами, но в собственно якутском материале – по крайней мере пока что – не встречаются упоминания о шелке.

Как ни удивительно, но скотоводы якуты рассказывали о превращении не сена, а мха или даже водорослей, и не в шелк, а в деньги. Например: «Сюллюкютер – обитатели вод; они живут подобно людям, разводя стада. В воде много мха, который, будучи вынесен на сушу, превращается в деньги, но после трех дней снова превращается в мох» [Приклонский 1891: 62].

Все же допустим, что где-то якуты знали что-то о шелке сюллюканов. Даже такой факт не придавал бы уверенности утверждению, будто именно якуты придумали обладание шелком, ибо требовалось убедиться еще и в том, что за пределами расселения якутов и якутско-русских фольклорных связей,

подальше от Якутии, русским было неведомо представление о шелке шуликанов. Действительно, среди русских, живущих от Тобола до Восточного Забайкалья, не найдено, по известным материалам, ни единого упоминания о шелке шуликанов, и это, казалось бы, вселяет уверенность в том, что именно якуты позволили сюллоканам обладать шелком и передали этот домысел русским, общавшимся с ними. Однако, утверждая это, понадобится пренебречь и тем, что просвещенные люди, замечавшие народные представления о шуликанах, наверняка просто не спрашивали о шелке у русских жителей Сибири.

То же самое следует сказать о восточной части Русского Севера. Это там зародились и оформились представления о шуликанах. Оттуда в Сибирь русские люди уносили их в числе других фольклорных знаний. Представлениями о шуликанах отмечены пути движения и места расселения выходцев из восточной части Русского Севера. И на Русском Севере наверняка никто из собирателей не спрашивал жителей о шелке шуликунов, а сами они могли почему-либо об этом умалчивать. Между тем теоретически допустимо предполагать, что где-то в восточной части Русского Севера могли поведать что-то о шелке шуликунов. Вот это допущение вынуждало удерживаться от какого-либо решения о происхождении мотива шелка шуликунов. Оставалось ждать в надежде на то, что все-таки еще откроются факты об этом мотиве.

Лишь спустя почти тридцать лет после моей поездки в Якутию на глаза попались еще факты о шелке шуликунов. Их нашли совсем недавно, несколько лет назад. Нечаянным виновником оказался А.В. Черных (г. Пермь), приславший мне коллективный труд пермских этнографов и фольклористов, за что считаю своей неременной обязанностью искренне поблагодарить его.

Один из фактов открылся на страницах, посвященных фольклорной традиции русских жителей Коми-Пермяцкого округа: «Все-тысь говаривали, слушались-де одне, а видно – глаза зашурить – де надо. И вот-де подводы идут, и идут, и идут, и все сено воза везут, сено воза. А кто-то и насмиллся да эдак схватил воз-от. Домой принесли – шелк-де. А показалось сено. Обоз целой-де едут, и едут, и едут, все везут-де. Шулюкины, все у нас говаривали, шулюкины» [Бахматов и др. 2008: 239]. Текст записан от женщины 1924 г.р. в д. Мыс Косинского района, к северу от райцентра и к западу от Чердыни, бывшего места перевалки на одном из старинных путей в Сибирь. Имена собирателей и дата записи – не приведены. Не сообщено также, записывались ли еще подобные тексты в той же деревне или в других местах. Ясно, что в ходе последовательного опроса русских жителей тех мест можно было бы услышать еще какие-то рассказы о шелке шулюкинов. Пока же приходилось довольствоваться единичной записью. Благодаря ей уже можно не считать якутов авторами мотивов шелка. Этот мотив как составную часть представлений о шулюкунах русские люди принесли с собой в Якутию, и пока остается неизвестным, позаимствовали ли его якуты.

Несколько позже благодаря тому же А.В. Черных выяснилось, что в Пермском крае записаны и другие рассказы, содержащие мотив шелка. Их образцы приведены в его книге, правда, с указанием только места записи. На левом берегу Камы, к югу от Чердыни, в с. Пянтег Чердынского района рассказывали: «У нас поговорка раньше все время ходила: “Идите-ка на луга, на озеро. Шуликаны сегодня повезут шелк”. Как-то один мужик по озеру пошел, идет и видит – мужик с возом. Этот подумал: “Господи, осоку везет!” Матерущий воз. Он возьми да зачурай-де: “Чур-де мое!” Оказалось, не сено-де, шелк-де. Мужик, если зачурал, дак наверное попользовался» [Черных 2008: 58]. Как видно, в этом селе бытовал свой рассказ, лишь отчасти перекликающийся с приведенными выше. В рассказе еще сохранилась примечательная деталь повествования: для мужика, увидевшего воз осоки, оказалось неожиданным ее превращение в шелк.

Неожиданность превращения уже исчезла в скупом сообщении, записанном в с. Губдор, находящемся у левого берега Вишеры, левого притока Камы, примерно к юго-востоку от Чердыни: «На Крещение они ездят. Раньше говорили: “Шуликуны поедут, шелк повезут”. Надо бежать, воровать шелк-от. По дорогам, где-ко торговать» [Там же: 59].

Не все губдорцы были столь откровенно корыстолюбивы. Среди них были и люди, чтившие стародавние заповеди, чему служит подтверждением другой рассказ: «Шуликуны появлялись в ночь на Крещенье. Да мужички. Вот я не знаю, правда – нет. Тут, в Нижней Язьве, мама у нас оттудова, дак рассказывали. Ночью пришел старик: “Дедушка, дай нам саней!” Ну, он им дал сани. Они уехали. Ну, съездили, на озеру куда-то. Утром потом привезли. “Привезли, – говорит, – тебе сани-те”. Они потом вышли. А спасибо-то там, у саней. Вышли, сани тут, и корова еще оставлена. Ну, вот такие же, как мужички, старички. Они как люди кажутся. Если бы вы не дали, у вас увезут. А ты дала, дак те привезли. Отблагодарят. А они вот сена, дрова возят» [Там же: 59]. В этом рассказе мотив шелка исчез. Судя по его последней фразе, он был известен рассказчице, но собиратели не попытались напомнить ей о нем. Между тем в Губдоре знали и рассказ, где за оказанную услугу шуликуны сами одаривают

человека шелком: «По реке шуликаны ездят, по льду, по замерзшей реке. В Язьве мужик был, а по дороге шуликаны ехали, и завертка у них порвалась. Они стучаются к мужику, говорят: “Дедушко, открой нам”. – “Что вам нужно, ребятки?” – “Дай нам оглоблю и веревку!” Как не дать. И дал. А утром вышел на крылечко, они ему шелку тюк на крылечко принесли» [Черных 2008: 59].

Судя по образцам, опубликованным А.В. Черных, бытование текстов с мотивами шелка замечено в нескольких местах на севере Пермского края. Там вперемешку с русскими живут и коми-пермяки. Поэтому не удивительно, что им тоже известны рассказы с мотивом шелка. Пока доступен лишь один текст, записанный на пермяцком языке Т.Г. Голевой в 2007 г. в с. Пелым Кочевского района, к северу от райцентра и к западу от Чердыни, и опубликованный ею на том же языке и в русском переводе: «Говорили, что чуды платки возили. Мама говорит: “Мне тоже хочется иметь половинчатый платок (полушалок. – Ю. С.)”. Пошли слушать за баню. Слышно: едут. Везут шелк. Полные сани сена. Отец ей наказал: “Поедут, ты из-за угла бани вырви, побольше сена схвати, чтобы много попало”. Ей три платка досталось. Занесла домой сена. Развернули, а внутри оказались платки шелковые. Ой, какие красивые!» [Голева 2009: 87]. Тут описана уже не нечаянная, а ожидаемая встреча, откровенно нацеленная корыстолюбием. В этом пермяцкий текст совпадает с одним из тех русских рассказов, которые были услышаны в Губдоре, близ Чердыни. В Перми исследователи тоже заметили сильное сходство пермяцких и русских рассказов о шуликунах, в частности, эволюционно более поздних представлений о «воровстве» шелка у святочных духов [Там же: 90], но удержались от того, чтобы признать несомненное заимствование пермяками от русских.

В рассказах Пермского края шуликаны представляются существами, уже неотличимыми от людей. Встреча с ними описывается предпочтительно как намеренная и корыстная. По этим двум признакам пермяцкие рассказы – эволюционно более поздние.

Располагая пермяцкими рассказами, можно утверждать, что в виде более или менее развернутого рассказа мотив шелка бытовал на Русском Севере, прежде чем оттуда устремились люди, осевшие на берегах Лены и Индигирки.

В пределах той территории, которую в XX в. власти отвели под Коми-Пермяцкий округ, русские люди стали устойчиво расселяться довольно поздно, по преимуществу уже после того, как на протяжении XVII в. в Сибирь схлынули охочие люди из восточной части Русского Севера. Так, по письменному сообщению А.В. Черных, д. Мыс, откуда он привез приведенную выше запись с мотивом шелка, основана только в XIX в. Уже поэтому трудно допустить, что мотив шелка шуликанов возник в местах совместного проживания пермяков и русских или, больше того, что он был придуман пермяками. Вероятнее предполагать, что мотив шелка возник в местах совместного проживания зырян и русских, о чем свидетельствуют сведения об участии зырян на протяжении первой половины XVII в. в освоении Сибири и следы этого, обнаруженные, в частности, на Индигирке. Однако в известных сообщениях о представлениях о шуликанах, бытующих, наверное, до сих пор среди русских и зырян, мотив шелка не попадает. Его отсутствие нетрудно объяснить тем, что собиратели, не зная о мотиве, не расспрашивали о нем, а носители традиции не вспоминали по случаю. Остается надежда – впрочем, слабая в нынешних условиях – на то, что поиск мотива там может увенчаться успехом.

Бытование представлений о шулюканах не распространяется к западу далее бассейна Северной Двины и немногих мест Беломорья. Западнее место шулюканов занимают хуляки / хухольники, о которых рассказывали в бассейне реки Онеги и в западной части Русского Севера. В сообщениях о хуляках мотив шелка также не встретился. Из этого не следует делать какое-либо решительное заключение, поскольку сведения о хуляках собирались еще более небрежно, чем сведения о шулюканах.

И тут пришлось бы поставить точку, когда бы не случилось обнаружить давнюю статью некоего А. Георгиевского, возможно, священника или выходца из церковной среды. На его христианское восприятие народных верований указывает название статьи – «Народная демонология», хотя он, наверное, знал, что сверхъестественных существ окружающего мира в народе не считали демонами, сугубо дурными с точки зрения христианина. А. Георгиевский работал в Обонежье. Сведений о местах, где он что-то слышал и изложил в своем пересказе, автор не приводит. Помимо описания традиционных «демонов» (домового и др.) А. Георгиевский рассказал и об удивительном персонаже: «Между всей этой чертовщиной есть еще нечистый дух – это Святке. Появляется он на второй день Рождества Христова, а в крещенский сочельник после вечерни его уже нет на земле. Этот может и добро делать, но больше делает добра по своей оплошности, и может вред принести человеку, по оплошности человека. Он может превращаться в человека, даже может быть его двойником, принимает иногда вид животного. Про него существует много рассказов, но прежде должен сказать, что он не может даже перешагнуть черты на снегу и полу, проведенной чем-либо железным. Ходя в святки слушать, делают около себя круг на несколько сажень в диаметре, проводя, чертя чем – либо железным, тогда

Святке ходит около черты, а в круг войти не может» [Георгиевский 1902: 61]. В его описании Святке выступает как отдельная персона, не имеющая двойников или сородичей, между тем о хуляках или о шулюканах всегда рассказывали как о некотором множестве существ.

В дополнение автор изложил быличку, в которой, однако, ни разу не упомянул Святке: «А тут один бедный мужичок был, в поле слушать тоже один, только сделал круг и видит – кто-то едет, подъехал к кругу на возу человек, раз подъехал воз к кругу на некоторое расстояние и объехал кругом, потом подвинулся к самой черте и загорелся, кружится воз, а человека на возу не видно; так испугался слушальщик, что долго не мог придти в себя, а когда приободрился, то видит, что огонь большой от воза, а от него ни тепло, ни холодно; вот он и вздумал пощупать, что такое горит на возу, ощупал – мягкое что-то, огонь рук не жжет, рванул с воза – отстал он (воз? мужик? – Ю. С.), и давай бегать за возом, рвет и в круг бросает. После оказалось, что в кругу целые кучи шелку, и стал после богачом» [Там же].

А. Георгиевский, несомненно, ничего не знал о бытовании мотива шелка шиликинов в далеких от Обонежья краях. Он не мог придумать основу изложенного им текста, он был всего лишь его передатчиком, решившимся изложить услышанное на бумаге. Единичность фиксации не позволяет признавать сколько-нибудь заметное распространение именно этой версии и традиционность привязки к загадочному персонажу Святке. Будь известно место фиксации, можно было бы попытаться поискать там и по соседству подтверждение этому рассказу.

Ранее Георгиевского о «двигающемся стоге сена» услышал Н. Лесков в карельской среде, о чем сообщил в печати, не назвав место и другие обстоятельства, при которых он это услышал: «*Сүндү* – это особого рода божество, которое действует на земле преимущественно о святках. Некоторых из кореляков видали *сүндү*. По рассказам их, оно представляет из себядвигающийся стог сена, и не дай Бог человеку попасть в его руки: он непременно задавит его» [Лесков 1894: 222]. Здесь недостает мотива шелка, и о вероятности его бытования в составе соответствующего рассказа в карельской среде пока можно только догадываться. Все же, опираясь на приведенные тексты Георгиевского и Лескова, допустимо предполагать, что мотив шелка заметно бытовал в карельской или в смешанной карельско-русской среде.

Трудно сказать, удастся ли найти подтверждение этим фиксациям в Обонежье или, шире, в Карелии. Пока же очевидно, что бытование мотива шелка обнаружено на севере Европейской части нашей страны, в Обонежье и в Пермском крае. Это, по всей вероятности, означает, что и где-то между окраинами тоже мог бытовать мотив шелка. Привязка к одинокой фигуре Святке позволяет допускать, что знатоки мотива шелка могли развивать его применительно и к каким-то другим персонажам. Однако в Сибири, на Лене и на Индигирке мотив шелка вплетался только в рассказы о шиликинах, что указывает на их происхождение из восточной части Русского Севера.

Всюду, где его обнаруживали, мотив шелка оказывался сюжетообразующим и получал развитие в разных версиях. В каждом месте рассказывали свою версию, а порой и не одну. Бытование множества версий в разных местах всегда указывает на давность зарождения их основы, в данном случае – мотива шелка. Для создания версии и ее превращения в традиционное произведение, в текст, признанный некоторым множеством людей и передаваемый из поколения в поколение, требовалось время, достаточно протяженное для того, чтобы уже готовые рассказы о шелке шулюканов были унесены за Урал, в Восточную Сибирь и на Индигирку и продолжали там бытовать до последних десятилетий.

В приведенных рассказах никак не раскрывается, отчего в Обонежье воз сена выбран в качестве воплощения некоего сверхъестественного существа, а в Пермском крае, на Лене и на Индигирке шулюканов понудили возить сено. Рассказчики также не пытались объяснить хотя бы самим себе, как это обычное сено могло превратиться в ткань и именно в шелк.

Какую-то роль тут сыграли ассоциации. Шелк считался идеальным материалом по сравнению со своим домотканым полотном. В силу этого в русском фольклоре стало обычным устойчивое словосочетание «травя шелковая». Идеальность такой травы очевидна. Отсюда и перенесение эпитета на растительность на теле человека: шелковая бородушка, шелковые волосы. Из шелковой травы естественно получалось такое же сено. Оставалось продолжить ассоциацию и превратить шелковое сено в самый шелк. Так теперь видятся ступеньки ассоциативных перенесений. Чтобы продвинуться в объяснении, требуются новые записи рассказов с мотивом шелка.

ЛА Смирнова – Личный архив Ю.И.Смирнова. Экспедиция 1982 г. Т. 5. С. 53 – 54. Расшифровка магнитофонной записи 4.07.82.

Алексеев Н.М. Машинописный отчет // Архив Якутского научного центра СО РА, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 763, л. 75.

Бахматов А.А., Голева Т.Г., Подюков И.А., Черных А.В. Русские в Коми-Пермяцком округе: обрядность и фольклор. Материалы и исследования. Пермь, 2008.

Виноградов Г.С. Шулюканы. Заметка к вопросу о культурном взаимодействии русских и якутов. // Очерки по изучению Якутского края. Иркутск, 1927. Вып. 1.

Георгиевский А. Народная демонология // Олонецкий сборник. Петрозаводск, 1902. Вып. 4.

Голева Т.Г. Мифологические персонажи зимних святок у коми-пермяков. // Традиционная культура. 2009. № 2.

Зензинов В.М. Русское Устье Якутской области Верхоянского округа. // Этнографическое обозрение. 1913. № 12. С. 199. Переиздание: *Старинные люди у холодного океана* / Сост. А.Г. и И.А. Чикачевы. Якутск, 2001. С. 104.

Лесков Н. Святки в Кореле // Живая старина. 1894. Вып. 2.

Приклонский В.Л. Три года в Якутской области: (Этнографические очерки). // Живая старина. 1891. Вып. 4.

Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока / Сост. Ю.И. Смирнов, Т.С. Шенталинская. Новосибирск: Наука, 1991. 449 с. (Памятники фольклора Сибири и Дальнего Востока; Т. 3).

Черных А.В. Русский народный календарь в Прикамье: праздники и обряды конца XIX – середины XX в. Пермь: Пушка, 2008. Ч. 2: Зима. 368 с.